

Интервью, посвящённое публикации «Старшей Эдды» в переводе Софьи Свириденко

С нами беседуют участницы проекта:

Елена ДОРОФЕЕВА — составитель издания и редактор скандинавской линии «НордБук» в издательстве «Городец» — и **Ольга МАРКЕЛОВА** — переводчик со скандинавских языков и ответственный редактор издания.

С Расскажите, как и когда зародилась идея выпустить «Старшую Эдду» в переводе Софьи Свириденко, почему выбор пал именно на её перевод?

Е. Дорофеева: У меня эта идея возникла в 2021 году, когда я решила сделать доклад на конференции «Скандинавские чтения» о Софье Свиридовой, необыкновенно талантливом человеке, чье имя оказалось незаслуженно забыто. Чисто из филологического любопытства я захотела посмотреть рукопись второй книги «Эдды», которая, как я узнала из статьи О.А. Смирницкой, хранится в Российской государственной библиотеке. Когда я увидела эту рукопись, она меня поразила, я поняла, что такой труд должен быть издан. Тем более, я видела много репринтных изданий первой книги (причем очень плохого качества изданий). Так появилась идея, скорее, — мечта, издать всё это вместе, в одной книге в современной орфографии, с комментариями переводчицы, а также современных учёных.

После этого прошло немало времени, пока мне удалось найти возрожденное в 1991 году издательство им. Сабашниковых, которым, как оказалось, руководит правнук того самого Михаила Сабашникова, в 1917 году издавшего первую книгу «Эдды». Оказалось, что это была и его давняя мечта — завершить этот проект, пусть и спустя 107 лет!

О. Маркелова: Меня пригласили участвовать в подготовке издания, когда она уже шла полным ходом. Но как бы то ни было, перевод С. Свириденко — уникальная и важная страница российской скандинавистики, и коль скоро полный текст перевода был найден, не издать его было невозможно.

С В статье 2001 года Ольга Александровна Смирницкая писала: «*Полное издание перевода «Эдды» Свириденко с её комментариями — проект, над которым в течение ряда лет работал автор настоящей статьи, — к сожалению, едва ли осуществимо: оно требует слишком громоздкого, многослойного научного аппарата, заслоняющего сам памятник*». Насколько мы понимаем, новая книга — результат именно этого проекта? Если да, то как его удалось осуществить и что именно позволило научному аппарату в итоге не заслонить сам текст?

Е. Дорофеева: Да, действительно, это была очень сложная задача. Научный редактор этой книги, Д.А. Голованенко, написал послесловие и большое количество примечаний ко всем песням, а также к введению, предисловию, комментариям переводчицы, указателю собственных имен. К сожалению, примечания научного редактора пришлось немного сократить, и эту ответственность взял на себя главный редактор, рассуждая,

как издатель и читатель одновременно, причем читатель, не являющийся специалистом в области скандинавистики.

Мы очень рады, что Ольга Александровна одобрила это издание и специально для него поправила тот комментарий к её статье, о котором вы говорите (эту статью мы включили в книгу). Вот что она написала: «Эта статья написана была в 1999 г., когда представлялось, что такое издание потребует большого, многослойного научного аппарата, заслоняющего сам памятник. Но теперь такая книга выходит, и это большая радость для меня и наших читателей. О.А. Смирницкая, 2024».

О. Маркелова: «Многослойность» в данном случае неизбежна, даже если задачей издания будет, прежде всего, публикация самого памятника (как в нашем случае), без углубления в текстологические нюансы. Эддические сюжеты сами по себе содержат много «слоёв», относящихся к разным эпохам истории германских народов, разным этапам складывания и бытования самих песней (в гипотетическом) устном и рукописном виде. При публикации старого перевода к ним прибавляются и «слои» отечественной культуры: развитие филологической мысли, история русской поэзии, рецепции древнескандинавской словесности в России. Порой что-то из этих «слоёв» входит в противоречие с сегодняшними представлениями. (Например, среди приводимых Свириденко этимологий исландских слов или интерпретаций поступков героев встречаются и такие, которые на сегодняшний день признаны ошибочными). Такие моменты было необходимо комментировать научному редактору. Бывали случаи, когда мне хотелось спросить себя: «Мы комментируем саму «Эдду» или Софью Свириденко?» При подготовке подобного издания действительно трудно удержаться от соблазна откомментировать абсолютно всё, до мелочей — и тогда действительно существует риск, что книга превратится в бесчисленные наслоения комментариев. И в этом таится своеобразный парадокс: чем ближе к идеалу текстологически выверенного издания, тем, очевидно, дальше от того, чем изначально мыслила свою книгу сама переводчица. К тому же не стоит забывать, что потенциальные читатели издания, подобного нашему, — это, как правило, люди эрудированные, имеющие представление и об истории древнескандинавской словесности, и о развитии научной скандинавистики, и о нюансах

поэтических переводов, — так что редактор может позволить себе не постоянно «водить их за ручку» по тексту, а дать им положиться на собственные знания и рассуждения.

В чём состояла роль редактора? Какие аспекты текста подверглись редакции в этом новом издании?

Е. Дорофеева: У этой книги было два редактора — научный редактор Д.А. Голованенко, о котором я говорила выше, и ответственный редактор О.А. Маркелова. Первый комментировал или объяснял с точки зрения современной науки переводческие решения, подчас спорные трактовки С. Свиридовой, также выработал принцип передачи имён героев в современной русской орфографии и сверял текст на предмет ошибок и опечаток. Эту работу, в первую очередь окончательную сверку текста, продолжила очень внимательный редактор О.А. Маркелова. Объем работ оказался очень большим, ведь вторая книга, которую мы получили в рукописи, ранее не редактировалась.

О. Маркелова: В представлении большинства (и часто в реальности) редактор — это тот, кто производит какую-либо модификацию текста: исправляет, изменяет, улучшает, вычёркивает... В данном случае роль редактора была прямо противоположна этому расхожему представлению: задача стояла не столько «отредактировать», сколько — сберечь, сохранить, максимально точно донести до читателей авторский замысел во всём, вплоть до мелочей, — естественно, отфильтровав при этом случайные мелкие ошибки и опечатки. Как известно, первая часть перевода Свириденко была издана, а вторая сохранилась лишь в виде машинописных листов с обширными рукописными примечаниями. Система примечаний и сносок на полях (как она сама называла их, «выносок») у С. Свириденко обширна и при этом очень логична. Сверх ожидания, работа с рукописной частью не вызвала трудностей, т. к. у Свириденко чёткий почерк. (Было приятно смотреть на записи автора, владеющего несколькими стилями рукописных шрифтов). Разумеется, без кое-каких «модификаций» не обошлось. Издание вышло в современной орфографии, а не в дореволюционной — но это, я думаю, не вызовет вопросов у большинства читателей. Однако некоторыми орфографическими особенностями пришлось поступиться в силу

технических трудностей. Свириденко разработала собственную (достаточно новаторскую по тем временам) систему передачи на русском языке скандинавских имён и топонимов — и иногда использовала в них дополнительные буквы. Кое-где она сохраняла исландскую букву «ö»; особенно её можно встретить во второй, машинописной, части её труда. (Надо сказать, что такое же орфографическое новшество встречается и в переводах К. Бальмонта со скандинавских языков.) Звук «h» в исландских именах Свириденко систематически передаёт особым диграфом собственной разработки: буквой «Г», над которой помещена буква «х» в виде крошечного надстрочного индекса: Гх. (В машинописной части этот надстрочный знак скрупулёзно проставлен от руки). Но в нашем издании звук «h» в скандинавских именах передаётся буквой «Х» в соответствии со сложившейся современной практикой.

Михаил Иванович Стеблин-Каменский категорично утверждал, что «Перевести песни «Эдды» на русский язык размером подлинника нельзя», а в том, что касается формы перевода, критиковал Свириденку за «полное непонимание сущности аллитерационного стиха». Вы согласны с этим?

Е. Дорофеева: Мне трудно ответить на этот вопрос, так как я не являюсь специалистом в области эддической поэзии и поэтому не очень хорошо разбираюсь в ней. Я смотрела на эти тексты скорее как читатель, интересующийся данной темой, но не знающий тонкостей. Наверное, у Софьи Свиридовой не получилось до конца следовать тем принципам, которые она декларирует в предисловии к этому изданию, но сама эта попытка, невероятно смелая и абсолютно новаторская, вызывает огромное уважение.

О. Маркелова: При ответе на этот вопрос я позволю себе немного побыть чудовищным занудой и педантом. Утверждение М.И. Стеблина-Каменского можно воспринимать как одну из реплик в неумолкающем споре о том, возможен ли вообще русский аллитерационный стих, наподобие германского (т. е. такой стих на русском языке, в котором аллитерация на фиксированных местах исполняла бы роль не декоративного элемента, а основной «несущей конструкции»). Весьма распространено мнение, что категорически

невозможен, а если кому-то и удастся создать художественно совершенный образец на русском языке, то не факт, что его воспримет публика, особенно неподготовленная... Сам этот спор, в свою очередь, — часть более масштабного и более давнего спора о том, возможна ли вообще адекватная передача стихотворных форм на другом языке. И здесь вновь есть много категоричных и хорошо аргументированных утверждений о том, что, мол, невозможно, — и тем не менее переводчики не бросают попыток всё-таки совершить это «невозможное» и поколение за поколением ищут способы передачи этих форм. Это закономерная часть литературного процесса, и без неё развитие поэзии и переводческого искусства невозможно.

Критиковал Михаил Иванович и художественный выбор эпитетов почти в каждой строфе, например, «Прорицания вёльвы»: «...Свириденко была вынуждена разбавлять свой перевод различными «красивыми» эпитетами и просто лишними словами и таким образом сводить на нет великолепный лаконизм песен «Эдды». Согласны ли вы с этим?

Е. Дорофеева: Опять же, я не могу судить об этом, так как, к сожалению, не имею возможности сравнить перевод с оригиналом. Но, как мне кажется, перевод Свиридовой очень вдохновенный, он был создан с большой любовью к предмету исследования. Наверное, некоторая романтизация древней Скандинавии в нём в то же время присутствует, и это отчасти объясняет наличие «красивых эпитетов», стремление «воссоздать» утерянные строки (что едва ли стал бы делать современный переводчик).

О. Маркелова: Мой ответ на этот вопрос будет продолжением ответа на предыдущий. В нём прозвучали слова «сущность аллитерационного стиха». И сейчас речь, очевидно, также идёт о некоей «сущности»: «сущности» стиля эддических песен. И здесь чудовищный педант и зануда задаст встречный вопрос: «А какими приборами можно измерить ту самую «сущность»?» Скорее, речь идёт именно о восприятии текстов, а всякое восприятие не лишено субъективности и к тому же исторически изменчиво. Что для переводчиков конца XX века — «лишние слова» и «красивости», для переводчицы самого начала XX века — как раз серьёзный шаг по пути к точности и адекватности перевода, ведь до

неё подобного просто не было. (Во вступительной статье к своему переводу С. Свириденко приводит примеры немногих существовавших на тот момент переводческих попыток, безнадежно далёких от оригинала и стилистически, и ритмически). Если бы М.И. Стеблин-Каменский — с высоты достижений отечественной скандинавистики, накопленных к тому времени — критиковал свою современницу, то он бесспорно был бы прав. Но он критикует предшественницу, работавшую тогда, когда отечественная скандинавистика находилась буквально в пелёнках — и приложившую усилия к тому, чтоб она из этих пелёнок вышла.

§ Как бы вы описали сильные стороны перевода Софьи Свириденко? Почему он по-прежнему актуален для читателей?

Е. Дорофеева: Перевод Софьи Свириденко является важнейшей страницей в истории отечественной скандинавистики. Он ценен как первая попытка перевести на русский язык столь большой корпус текстов «Старшей Эдды» (песни о богах и песни о героях), снабдив его к тому же серьезным сопроводительным аппаратом, погружающим читателя в тему. Поражает и научный кругозор переводчицы, прочитавшей и переосмыслившей все переводы «Эдды» или ее отрывков, вышедшие в то время — как на иностранных языках, так и на русском. Ее труд и сегодня может быть примером преданного служения делу своей жизни.

О. Маркелова: Переводить древние тексты, в особенности поэтические, можно двумя способами. Бывают переводы, которые правильнее назвать академическими подстрочниками; в них функция истолкования/осмысления оригинала перевешивает все другие. С другой стороны, есть переводы, которые можно не только использовать для научных штудий, но и «просто читать»: эстетическая функция и эмоциональное воздействие на читателя в них сохранены. Одно из главных достоинств «Эдды» Свириденко — этот текст «живой»: он оказывает на читателя эмоциональное воздействие.

§ Удалось ли вам найти какие-то новые факты биографии переводчицы и её новые литературные работы в ходе подготовки издания?

Е. Дорофеева: Да, помимо того, что история с рукописью сама по себе является уникальной,

в биографии переводчицы было обнаружено несколько новых фактов. Во-первых, она не была дочерью статского советника Александра Свиридова, как указывалось во всех скудных биографических справках и википедии. В найденных в процессе работы над книгой архивных документах указано, что девушка была удочерена им в возрасте 15 лет, а до этого носила фамилию матери — Михайлова. Я даже внесла правку в википедию, надеюсь, она будет принята. Также я узнала, что Свиридова закончила Бестужевские курсы и одним из ее преподавателей был Федор Александрович Браун (1862–1942) — филолог-германист, ведущий специалист того времени в области германской и скандинавской филологии. Именно он впоследствии очень высоко оценил её перевод и рекомендовал его к печати. Открытием для меня стала и переписка Свиридовой с издателем М. Сабашниковым (1912–1914), и более поздняя — с А. Блоком (1920–1921). К сожалению, так и не удалось найти в архивах точную дату (день и месяц) рождения Софьи Александровны и дату её смерти (даже год смерти записан приблизительно).

О. Маркелова: Обретение машинописной рукописи второй части, долгое время считавшейся утраченной, — событие само по себе столь масштабное, что с ним вряд ли сравнятся какие-нибудь другие «открытия». Перипетии судьбы этой рукописи подробно описаны в статье О.А. Смирницкой в нашем издании.

§ Планируется ли публикация других её произведений?

Е. Дорофеева: Пока преждевременно говорить об этом, но я думаю, что не одно произведение Софьи Свиридовой могло бы быть опубликовано. Это поэма её собственного сочинения «Сигурд», созданная по мотивам утраченного фрагмента «Эдды» (удостоенная в 1915 г. половиной Пушкинской премии), перевод либретто тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунга», книги о немецких композиторах и переводы немецкой поэзии. Хочется надеяться, что эти и другие произведения не только талантливой переводчицы, но литератора и музыковеда, ещё найдут своего издателя.

О. Маркелова: Я не загадываю наперёд, но как скандинавист и как просто читатель я очень хотела бы их видеть!